
Почему женщины убивают? Эмпирическая типология убийств, совершенных женщинами в России

А.А. ЛУЛИКЯН*, С.В. ЖУЧКОВА**

***Анна Айковна Луликян** – стажер-исследователь, Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, alulikyana@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>

****Светлана Васильевна Жучкова** – научный сотрудник, Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, szhuchkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

Цитирование: Луликян А.А., Жучкова С.В. (2024) Почему женщины убивают? Эмпирическая типология убийств, совершенных женщинами в России // Мир России. Т. 33. № 2. С. 115–141. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-115-141

Аннотация

Убийства, совершенные женщинами, изучены значительно меньше, чем убийства, совершенные мужчинами. При этом результаты исследований в разных национальных контекстах показывают, что убийства существенно различаются по полу, и по этой причине прямая экстраполяция мотивов и обстоятельств «мужских» убийств на «женские» не представляется возможной, что образует очевидную исследовательскую лауну. В последние десятилетия отмечается рост интереса к систематизации мотивов убийств, совершаемых женщинами. Многие криминологи в России и за рубежом пришли к выводу, что самооборона является ключевым мотивом для женщин.

В качестве общего недостатка исследований специалистов можно выделить тот факт, что мотивы классифицировались либо отдельно, либо в связке с очень ограниченным набором обстоятельств. Поскольку женщины в основном убивают мужчин из ближнего круга, с которыми их связывает некая история взаимоотношений, авторы настоящей статьи предлагают сфокусироваться на обстоятельствах, предшествующих убийству, и рассмотреть их в совокупности с мотивами. Цель данного исследования – дополнить имеющиеся знания путем разработки эмпирической типологии убийств,

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)», <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>

Статья поступила в редакцию в ноябре 2023 г.

совершаемых женщинами в России, на основе как мотивов, так и обстоятельств. Выборку исследования составили 300 отобранных случайным образом судебных приговоров, вынесенных женщинам в России с 2017 по 2021 год по ст. 105 «Убийство» ч. 1 УК РФ. Тексты приговоров были закодированы вручную с помощью контент-анализа, а типы убийств определялись на основе латентно-классового анализа. В результате исследования были выделены и описаны четыре типа убийств: убийства, совершенные женщинами в цикле взаимного домашнего насилия; убийства, совершенные женщинами – жертвами домашнего насилия; убийства, совершенные женщинами в результате длительного взаимного психологического насилия; ситуативные убийства.

Ключевые слова: типология убийств, мотивы совершения убийств, обстоятельства убийств, латентно-классовый анализ, тексты судебных приговоров; убийства, совершенные женщинами; преступность в России

Введение

Практически в любых обществах женщины совершают существенно меньше преступлений, чем мужчины [Киммел 2006; Gabor 2001]; это справедливо и в отношении убийств [Jensen 2001]. Так, в России в 2022 г. только 12% расследованных¹ убийств были совершены женщинами^{2,3}, причем процент расследованных «женских» убийств остается на уровне 12–13% как минимум на протяжении последнего десятилетия⁴. Параллельно с этим число убийств в России снижается⁵ как в целом, так и в разрезе по полу ввиду социальных и демографических трансформаций⁶. Однако указанная стабильность в числе «женских» убийств дает основания полагать, что существуют некоторые неизменные причины, их обуславливающие. Их следует искать в социальном, поскольку ранее выдвигавшиеся криминологами биологические объяснения, что женщинам по природе несвойственно совершение убийств, а редкие случаи убийств можно связать с психическими расстройствами, показали свою неэффективность [Campbell, Jensen 2019].

¹ В статистику по 2022 г. попали убийства, по которым судебные разбирательства прошли в 2022 г., то есть это могут быть как убийства, совершенные в обозначенном году, так и убийства, совершенные значительно ранее.

² Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год № 11.1 // Судебный Департамент при ВС РФ // www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649, дата обращения 22.09.2023.

³ Учтены следующие статьи УК РФ: 105 («Убийство»), 107 («Убийство, совершенное в состоянии аффекта»), 108 («Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»), 111 ч. 4 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», [повлекшее] «по неосторожности смерть потерпевшего»).

⁴ Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России № 11.1 // Судебный Департамент при ВС РФ // www.cdep.ru/?id=79, дата обращения 22.09.2023.

⁵ Там же.

⁶ В России половозрастная пирамида регрессивного типа, то есть доля пожилых существенна, а на их смену приходят менее многочисленные поколения. См. подробнее: Щербакова Е.М. (2022) Демографические итоги I полугодия 2022 года в России. Часть 1 // Демоскоп Weekly. № 957–958 // <http://demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php>, дата обращения 26.02.2024. Это естественным образом ведет к снижению количества совершенных убийств, так как обычно убивают люди трудоспособного возраста [Mann 1996].

Вероятно, по причине стабильно низкой доли убийств, совершаемых женщинами, специфика «женских» убийств долгое время оставалась без внимания [Kim et al. 2017]. Тем не менее в последние годы в разных странах был проведен ряд исследований, в ходе которых установлено, что мотивы и обстоятельства убийств, совершенных женщинами, заметно отличаются от мужских [Belknap et al. 2012; Kethineni 2001; Kim et al. 2017; Kirkwood 2003; Weizmann-Henelius et al. 2003]. Согласно результатам этих исследований, наиболее типичным сценарием убийства для женщины является убийство интимного партнера, который подвергал ее насилию на протяжении длительного времени и применил его в очередной раз, из-за чего она была вынуждена прибегнуть к самообороне. В России жертвами убийств, совершаемых женщинами, в основном также являются интимные партнеры, но, по некоторым данным, следующую наибольшую долю среди убитых составляют знакомые (в том числе друзья), но не родственники [Mosechkin 2021]. Исследователи сходятся во мнении, что самооборона – важная, но не исчерпывающая причина, и потому убийствам, совершенным женщинами при иных обстоятельствах и по иным мотивам, должно быть уделено особое внимание [Jensen 2001].

Чуть больше половины убийств, совершаемых женщинами в России, квалифицируется по ст. 105 ч. 1 Уголовного кодекса РФ⁷: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку»⁸. Это простой состав убийства⁹, не содержащий деталей о мотивах и обстоятельствах убийства, в связи с чем эту статью УК РФ можно рассматривать как своеобразный «черный ящик». Тем не менее в судебной практике закрепилось понимание, что под ст. 105 ч. 1 подводятся те случаи, когда убийство совершено «<...> в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений»¹⁰. Так, мотив личной неприязни со стороны убийцы по отношению к жертве встречается наиболее часто: в абсолютном большинстве судебных приговоров, вынесенных по ст. 105 ч. 1, утверждается, что убийство было совершено «<...> на почве *внезапно*¹¹ возникших личных неприязненных отношений»¹². Но поскольку женщины в основном убивают интимных партнеров [Belknap et al. 2012; Kethineni 2001; Kim et al. 2017; Kirkwood 2003; Weizmann-Henelius et al. 2003], очевидно, что убийству предшествовала некая история взаимоотношений, в которой могли иметь место эпизоды насилия, способствовавшие накоплению неприязни.

⁷ 55% (604 из 1104 – из всей совокупности по статьям 105, 107, 108, 111 часть 4); Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России № 11.1 // Судебный Департамент при ВС РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>, дата обращения 22.09.2023.

⁸ УК РФ Статья 105. Убийство // КонсультантПлюс // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5b3e04338020a09b25fe98ea83bc9362c8bc5a76/, дата обращения 22.09.2023.

⁹ «По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // КонсультантПлюс // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/#dst100029, дата обращения 22.09.2023.

¹⁰ Там же.

¹¹ Курсив авторов.

¹² Эта формулировка была найдена в более чем 80% всех опубликованных приговоров, вынесенных женщинам по статье 105 ч. 1 с 2017 по 2021 г.

На основе Постановления Пленума ВС РФ, агрегирующего судебную практику по ст. 105 ч. 1 УК РФ, можно лишь в обобщенном виде определить мотивы, по которым в России совершают убийства, а обстоятельства убийства по этой статье в указанном документе не уточняются вовсе. Кроме того, в отличие от других статей УК РФ¹³ и второй части ст. 105, ст. 105 ч. 1 не подразумевает гендерную специфику совершенного преступления, поэтому выделить характерные для женщин мотивы убийства на основе этой статьи не представляется возможным. Вероятно, с целью дополнить несколько формализованную юридическую реальность российскими криминологами предпринимались попытки более детального рассмотрения убийств, совершаемых женщинами. Так, в отечественной науке можно найти исследования, посвященные анализу мотивов и обстоятельств «женских» убийств [Коломытцев, Одинцова 2018; Лыско 2017; Подолук 2010; Яковлев 2015; Mosechkin 2021], однако в этих работах мотивы и обстоятельства рассматриваются отдельно, а не во взаимодействии друг с другом.

Следует подчеркнуть, что существуют типологии, которые учитывают как мотивы, так и обстоятельства, но они разработаны зарубежными учеными, и в эти модели обстоятельства включены в очень ограниченном количестве, так как фокус исследования смещен на социально-демографические характеристики убийцы [Kim et al. 2017; Belknap 2012; Kethineni 2001], что не позволяет учесть различные аспекты отношений между жертвой и убийцей. В то же время прямая экстраполяция существующих зарубежных типологий на российскую реальность не представляется обоснованной: не понятно, какие результаты получатся на российских данных. С одной стороны, Россия считается страной с патриархальными ценностями [Bluhm, Brand 2018], а с другой, страной бытового матриархата, где женщинам нередко отводится власть в семье [Ибрагимова 2012], и оба этих сюжета важно учитывать, поскольку большинство убийств совершается женщинами дома [Подолук 2010; Eckhardt, Pridemore 2009], и, как упоминалось выше, их жертвами чаще всего становятся интимные партнеры.

Таким образом, хотя «женские» убийства уже были достаточно подробно изучены в литературе на предмет социально-демографических характеристик женщин-убийц, мотивов и обстоятельств совершения убийств, исследователи почти не рассматривали перечисленные переменные в комбинации, что в свою очередь может обладать высоким объяснительным потенциалом. В связи с этим предполагается, что представленная статья, базирующаяся на российских данных, сможет внести свой вклад как методологически (путем построения более подробной типологии, основывающейся на множестве критериев, выделенных на основе судебных приговоров), так и содержательно, позволив поместить Россию в международный контекст и определить, насколько паттерны «женских» убийств в России схожи или различны с таковыми в зарубежных странах.

Цель исследования заключается в построении эмпирической типологии убийств, совершенных женщинами в России, на основе мотивов и обстоятельств совершения убийства по ст. 105 ч. 1 УК РФ.

¹³ Примером такой статьи, подразумевающей убийство, является статья 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка».

Почему женщины убивают: от единой объяснительной теории к таксономическому подходу

Поиск социологического ответа на вопрос, почему женщины убивают, начинался с единой объяснительной теории. Так, в 1990-е гг. было выдвинуто предположение, что условия современного общества создают излишнее напряжение для женщин, которое они легко интернализируют, вследствие чего прибегают к крайним формам насилия [Kim et al. 2017]. Ожидается, эта идея была раскритикована учеными, которые усмотрели в ней дискриминирующий элемент [Kirkwood 2003]. Другим примером единой теории является теория самообороны, утверждающая, что женщины убивают интимных партнеров для защиты себя и своих детей от угрожающего жизни насилия [Serran, Firestone 2004]. Теория самообороны ценна, но не является самодостаточной, поскольку не может объяснить все убийства, совершенные женщинами.

После неудач, которые потерпели унифицированные теории, исследователи обратились к таксономическому подходу, заключающемуся в выработке классификаций [Kim et al. 2017]. Такой подход можно считать более целесообразным, поскольку убийство, совершенное женщиной, является прежде всего социальным действием (по М. Веберу) [Гофман 1997]: женщина при совершении убийства действовала, руководствуясь очевидным мотивом (смыслом), который был в свою очередь обусловлен определенными обстоятельствами. Соответственно, для наиболее полного понимания убийства необходимо отнесение его к некому типу.

В исследованиях «женских» убийств типологизировались в основном мотивы, и в дальнейшем каждый тип рассматривался в разрезе различных характеристик женщины, совершившей убийство, – как более общих социально-экономических (возраст, образование, семейное положение, занятость и пр.), так и более специфических (судимость и опыт причинения насилия со стороны человека, которого она убила) [Belknap et al. 2012; Weizmann-Henelius et al. 2003; Kethineni 2001; Kirkwood 2003]. Ввиду этого дальнейший обзор будет смещен в сторону мотивов.

Зарубежные исследователи убийств, совершенных женщинами, в основном рассматривали убийства интимных партнеров. В числе ключевых мотивов они отмечали не только самооборону, но и, например, ревность и чувство собственности [Belknap et al. 2012; Adinkrah 2000], ранее приписываемые исключительно мужчинам [Daly, Wilson 1996]. Некоторые обществоведы решили рассмотреть убийства при иных обстоятельствах. Так, на данных по Индии выяснилось, что убийства тех, кто не является членами семьи, совершались женщинами прежде всего для защиты семьи или демонстрации ее единства [Kethineni 2001]. В Финляндии и Австралии обнаружилось, что доля убийств знакомых или даже просто незнакомцев среди женщин существенна, а наиболее распространенным мотивом являлась ссора во время распития алкоголя [Weizmann-Henelius et al. 2003; Kirkwood 2003]. И в настоящей работе также предлагается выйти за рамки убийств интимных партнеров.

По замыслу авторов, представленная статья наиболее близка к исследованию, проведенному в Южной Корее, где с помощью кластерного анализа была выведена типология «женских» убийств на основе не только мотивов, но и иных критериев – характера отношений убийцы и жертвы, наличия умысла,

наличия сообщника(-цы) и семейного положения женщины, совершившей убийство [Kim et al. 2017]. Всего было выделено пять типов:

- (1) нетрадиционное убийство интимного партнера (мотив – любовный треугольник, преступница была замужем);
- (2) традиционное убийство интимного партнера (мотив – любовный треугольник или самооборона, преступница была замужем);
- (3) семейное убийство (мотив – финансовая выгода, преступница была замужем);
- (4) неумышленное убийство, совершенное незамужней женщиной (мотив – ссора);
- (5) умышленное убийство, совершенное незамужней женщиной (мотивы – месть, финансовая выгода, ссора).

Также интересен тот факт, что предшествующей убийству криминальной истории почти ни у кого из женщин, совершивших убийство, не было.

Рассмотрим некоторые российские типологии мотивов убийств. Например, Ю.Г. Манкевич и М.А. Горбатова называют такие мотивы убийства женщинами интимных партнеров, как самоутверждение (33%), стремление избавиться от забот (32%), попытки воспрепятствовать оставлению семьи (19%), ревность (14%), польза (2%) [Лыско 2017]. При сравнении с представленными далее работами обнаруживается, что три наиболее распространенных мотива в этой типологии не встречают аналогов, но с другой стороны, такие мотивы, как ревность и корысть (которая, вероятно, подразумевалась под пользой), являются наиболее консистентными в российском контексте.

Исследователи женской преступности Н.А. Коломытцев и Л.Н. Одинцова вышли за пределы изучения убийств интимных партнеров. На основе 120 личных дел и опроса 30 женщин они вывели следующую классификацию мотивов: преступления, совершенные на бытовой почве, составляют 35%, из ревности – 32%, из мести сожителю/мужу/родственникам – 20%, из корыстных побуждений – 8%; оставшиеся 5% приходятся на убийство матерью новорожденного ребенка [Коломытцев, Одинцова 2018]. Отметим, что убийства по двум последним мотивам не будут представлены в нашей типологии, поскольку они квалифицируются по ст. 105 ч. 2 и 106 УК РФ соответственно, не включенным в наше исследование. Название же первого мотива кажется слишком обобщенным, а так как в работе, помимо прочего, преследуется цель конкретизации мотива «личной неприязни», формулировка «на бытовой почве» едва ли будет использована при выделении мотивов.

В исследовании 2021 г. И.Н. Мосечкин, проанализировав 250 приговоров, выработал более подробную классификацию мотивов – неприязнь, вызванная оскорблением (28%) либо насилием (25%); стремление избежать вступления в нежелательную половую связь (14%); ревность (12%); мотив обороны (себя или других лиц) (10%), аффект (5%), мотив корысти (2%), хулиганский мотив (1%) [Mosechkin 2021]. Выборка исследования И.Н. Мосечкина также существенно отличается от выборки, представленной в настоящей статье, так как включает оба пункта ст. 105, а также 107 и 108 УК РФ. Соответственно, все мотивы, кроме трех наиболее малочисленных, будут полезны при выработке типологии.

Важно указать на различие, вводимое И.Н. Мосечкиным, между мотивами «неприязнь, вызванная насилием» и «оборона». Как объясняется в статье, «неприязнь, вызванная насилием» имеет место тогда, когда нападение жерт-

вы уже завершено, а преступник убивает в более поздний момент времени [Mosechkin 2021]. «Оборона» же в свою очередь есть результат убийства, совершенного в ответ на доказанное преступное посягательство [Mosechkin 2021]. По всей видимости, «обороной» автор считает только то, что рассматривается как таковое судом, поэтому 10% – это процент приговоров на выборке по ст. 108 УК РФ «Превышение пределов необходимой обороны».

В настоящем исследовании также предполагается разделение этих двух мотивов, но оно будет проводиться на основании не решения суда, а показаний убийцы. Действительно, не любое убийство, последовавшее после применения физического насилия жертвой, можно считать самообороной, но представляется важным прислушиваться к убийце и учесть, какой смысл сама женщина вкладывала в свои действия. Такой подход, возвращающий подсудимым голос, соответствует представлениям о базовых правах человека и активно используется в современной криминологии. Так, А. Кубал, исследовательница мигрантов и беженцев, против которых были выдвинуты обвинения российскими судами, собирала этнографические данные, отражающие опыт подсудимых и их способность защищать себя в суде [Kubal 2019]. Аналогичным образом определение мотивов убийств на основании показаний, данных женщиной, позволит лучше понять совершенное ею убийство.

Данные и методы

В исследовании в качестве источника эмпирических данных было решено использовать судебные приговоры с показаниями женщин, которые они давали в ходе предварительного расследования и в суде; в текстах приговоров также приводятся показания свидетелей и потерпевших. С одной стороны, наличие показаний от различных участников судебного разбирательства помогает детально реконструировать сценарий убийства, но с другой, создает некоторые трудности. Так, женщина, совершившая убийство, обладает конституционным правом не свидетельствовать против себя, аналогичное право есть у ее близких родственников¹⁴. В свою очередь потерпевшие и свидетели могут исказить реальность выгодным для себя образом, несмотря на риск привлечения к ответственности за дачу заведомо ложных показаний¹⁵, либо же вовсе притворяться, что не помнят некоторых подробностей убийства. Вследствие вышеизложенных особенностей становится ясным, что относиться к показаниям всех участников следует с некоторым скепсисом.

Хотя в ходе судебного разбирательства у женщины есть стимул не делиться настоящим мотивом, побудившим к убийству, предполагается, что оно все же ближе к истине, чем мнение иных участников процесса. Поэтому в данном исследовании в качестве мотива принимается *объяснение самой женщиной того, почему она совершила убийство*. Причем учитывается не один мотив, а несколько, если убийцей указывается группа мотивов (в том числе на разных этапах судебного

¹⁴ Статья 51. Конституция РФ // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/83e04083255cc765ad2af577efd8db4607b207d5/, дата обращения 22.05.2022.

¹⁵ УК РФ Статья 307. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод // КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e8cae43fbd59a5be90789ce95775ae05e5a89f8/, дата обращения 22.05.2022.

процесса – см. подробнее ниже). Таким образом, в контексте мотивов приоритет отдается показаниям, полученным от женщины, в отличие от обстоятельств, где в равной степени учитываются показания всех сторон.

Обстоятельствами считаются все факты и события, способные потенциально сыграть роль в совершении женщиной убийства, и особенно значимы события, которые могли сказаться на отношениях двух указанных людей негативным образом, поэтому ключевым в контексте исследования концептом является **насилие** – один из ресурсов власти, подразумевающий нанесение вреда конкретным субъектом (убийцей или жертвой) по отношению к другому (жертве или убийце) [Родионова, Смирнов 2022]. Насилие определяется в трех измерениях – физическом (избиения, шлепки, толчки), психологическом (оскорбления, унижения, угрозы) и сексуализированном (изнасилование и попытки изнасилования, а также сексуальные домогательства)¹⁶.

Необходимо уточнить, как разрешались некоторые возникающие при кодировании приговоров противоречия, к которым отнесены и то, что женщина могла менять данные ею показания на разных этапах судебного процесса, и то, что сказанное ею могло существенно расходиться с показаниями, данными потерпевшими и свидетелями. Так, за основу работы был взят принцип «учитывать все показания как истинные». Например, если женщина изначально заявляла, что восприняла примененное в ее сторону насилие как повод разозлиться, а затем в суде поменяла показания на то, что считала насилие как угрозу жизни и здоровью, то обе версии принимаются как одновременно верные, так как невозможно достоверно установить, под влиянием каких обстоятельств показания были изменены. В базу не вносятся лишь те показания женщин, которые построены на том, что совершили убийство не они, а кто-то другой: факт совершения убийства конкретным человеком, установленный судом, авторами сомнению не подвергается.

Также нередки случаи, когда женщина заявляет о систематическом насилии над ней, а другие участники утверждают, что на самом деле все происходило наоборот: женщина подвергала жертву одностороннему насилию, и в этом случае отмечается факт о взаимном насилии. Используемая «доверительная» методология ведет к очевидному смещению, так как по каждому делу отмечается большее число признаков, чем отмечалось бы при принятии некой одной версии (напр., выработанной судом) и чем, вероятно, имело место в реальности, что является существенным ограничением работы.

Описание сбора данных и формирования выборки

Источником эмпирических данных послужили судебные приговоры, вынесенные женщинам с 2017 по 2021 г.¹⁷ в России и полученные с помощью веб-скрейпинга сайта ГАС «Правосудие»¹⁸, официального государственного портала, на котором

¹⁶ Understanding and Addressing Violence against Women. Intimate Partner Violence // World Health Organization // https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/77432/WHO_RHR_12.36_eng.pdf, дата обращения 22.05.2022.

¹⁷ Типы убийств и мотивы были также изучены в динамике в разрезе по годам, но конкретно в этой работе они не представлены.

¹⁸ Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие»: <https://sudrf.ru/>, дата обращения 25.09.2023.

публикуются решения российских судов. Поскольку на момент выгрузки приговоров (апрель 2023 г.) большая часть приговоров, вынесенных в 2022 г., еще не была выгружена на ГАС «Правосудие», было решено взять временной период, заканчивающийся 2021 г., для того чтобы составить наиболее актуальную картину «женских» убийств.

Общее количество выгруженных приговоров составило 22 721, из которых около 30% были вынесены одновременно не только по ст. 105 ч. 1, но и по иным статьям. Чтобы обеспечить однородность выборки, авторы решили исключить такие дела, то есть в основу выборки попали только те убийства, которые были совершены *индивидуально* по мотивам *личных неприязненных отношений*. Далее в уже отфильтрованной по ст. 105 ч. 1 выборке была проведена дополнительная фильтрация, чтобы в выборке остались только женщины¹⁹. Таким образом, основу выборки составили 3318 приговоров (*таблица 1*).

Таблица 1. Основа выборки по годам

Год	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Количество приговоров	866	795	627	510	520

На этом этапе стало возможным формирование выборки: из общего массива по каждому году было случайным образом извлечено 60 приговоров (всего – 300); в данной выборке с равным размещением год является стратифицирующим признаком. Выбор в пользу равного размещения, но не пропорционального, сделан, поскольку в контексте исследования было важно изучить структуру наблюдений по каждому году и сопоставить эти структуры в равных условиях²⁰.

Выборка 300 приговоров считается оптимальной и по объему: с одной стороны, для выработки типологии с помощью латентно-классового анализа количество в менее чем 300 наблюдений нежелательно [*Weller et al. 2020*], с другой, учитывая, что приговоры должны быть вычитаны с бумажных носителей и закодированы с помощью контент-анализа, увеличение выборки также считается проблематичным.

Описание базы данных

В результате количественного контент-анализа составлена база данных, в которую вошли три категории переменных:

- 1) **социально-демографические характеристики**, включающие гражданство женщины, совершившей убийство; ее семейный статус; наличие детей; образование; занятость и судимость;

¹⁹ Были оставлены приговоры, содержащие регулярное выражение «подсудим(ой|ая|ою|ую)».

²⁰ Эта возможность обеспечена тем, что каждый год представлен наполненной группой (каждая группа приговоров, выделенная по году, состоит из 60 наблюдений, а малонаполненными считаются группы <= 30 [*Крыштановский 2006*]).

- 2) **мотивы**, в числе которых могут быть оборона (самооборона или оборона других людей); неприязнь, вызванная оскорблением со стороны другого человека (оскорблением убийцы или других людей); неприязнь, вызванная физическим насилием (совершенным непосредственно перед убийством или на протяжении длительного периода по отношению к убийце или другим); ревность (к убийце или жертве); месть; неприязнь, вызванная сексуальными домогательствами (к убийце или другим лицам); неприязнь, вызванная отказом в просьбе;
- 3) широкий круг **обстоятельств**, к которым были отнесены:
 - 3.1) пол жертвы и тип взаимоотношений между убийцей и жертвой (интимные партнеры, родственники, знакомые и незнакомцы);
 - 3.2) «мизансцена» убийства: время и место; нахождение людей поблизости; орудие убийства;
 - 3.3) событие, произошедшее непосредственно перед убийством (употребление алкоголя убившей женщиной или жертвой, физическое насилие и его инициатор, оскорбления, угрозы, сексуальные домогательства со стороны жертвы);
 - 3.4) событие, произошедшее задолго до убийства:
 - злоупотребление алкоголем убившей женщиной или жертвой;
 - систематические драки и конфликты (с указанием их инициатора);
 - совершение убившей женщиной и жертвой на протяжении длительного времени поступков, причиняющих психологическое насилие по отношению к другому (например, интимный партнер злоупотреблял алкоголем и не зарабатывал денег, что беспокоило женщину; женщина изменяла интимному партнеру, а он ревновал);
 - продолжительное сексуализированное насилие со стороны жертвы убийства.

Большинство из анализируемых приговоров было вынесено гражданкам РФ (99%), у которых не было судимости на момент совершения убийства (81%), которые состояли в фактическом браке (не закрепленном юридически) (55%), имели детей (63%), не имели постоянного места работы (55%) и получили среднее образование (либо среднее профессиональное, либо среднее общее) (62%). Описанный портрет соотносится с результатами других эмпирических исследований, которые показывают, что женщинам-убийцам в целом свойственен неблагополучный социально-экономический бэкграунд [Яковлев 2015; Dawson et al. 2009]. Также можно отметить наиболее распространенные обстоятельства: большинство убийств совершалось в городе (72%) в вечернее время (44%) с помощью ножа (86%), когда убийца и жертва находились наедине (59%) дома (96%). Описательная статистика по всем переменным представлена в *Приложениях 1–3* (стр. 134–135).

Методы анализа данных

Поскольку переменные по мотивам и обстоятельствам – категориальные (дихотомические), для построения типологии «женских» убийств предпочтение было отдано **латентно-классовому анализу (LCA)**, применение которого позволяет

классифицировать наблюдения по типам (латентные классы) на основе набора категориальных переменных [Lanza et al. 2007]. Для анализа был использован пакет *poLCA* на языке R [Linzer, Lewis 2011].

Из изначальной выборки в 300 приговоров было удалено 26 наименее информативных приговоров (по каждому году было исключено от 3 до 7), поэтому выборкой для построения типологии послужили 274 наблюдения. В неинформативных приговорах не приводились показания, касающиеся истории взаимоотношений убившей женщины и жертвы, то есть в них присутствовали только детали эпизода самого убийства. Неполнота информации может быть обусловлена как тем, что женщина решила не давать показания (полностью или частично), так как они могут быть использованы против нее, так и тем, что не было возможности привлечь свидетелей (связанные с убийцей или жертвой лица не захотели явиться в суд, не проживали рядом, чтобы дать характеристику об их образе жизни). Однако дополнительно можно предположить, что такие приговоры появляются из-за специфики записи текстов: секретари судебных заседаний обладают некой свободой относительно того, что именно записывать. Вероятно, они не всегда считают необходимым фиксировать что-то сверх непосредственно эпизода убийства, поэтому показания, касающиеся прошлого, могли быть высказаны в суде, но не попасть в итоговый текст приговора.

Однако даже после удаления проблема с пропущенными данными сохранилась: не из каждого приговора можно было извлечь информацию по всей совокупности переменных. Причины пропусков могут быть аналогичными вышеупомянутым, поэтому было решено использовать **метод индикаторной переменной**, то есть выделить пропуски в отдельное значение при переменных. Отметим, что при интерпретации классов пропуски игнорировались, поскольку их нельзя отнести ни к «да», ни к «нет» (ни к выраженности определенного признака, ни к его отсутствию). Хотя наличие пропущенного значения уменьшало вероятности по значениям «да» и «нет», нигде пропуски не представляли настолько существенный процент в распределении по переменной, чтобы это помешало сравнению долей по значениям «да» и «нет»: ввод пропусков едва ли значительно снизил качество модели. Это доказывается тем, что поскольку для построения типологии был использован латентно-классовый анализ, и соответственно классы интерпретировались с точки зрения наиболее вероятных значений, даже гипотетическое отнесение всех пропущенных значений к «да» или «нет» не меняло характер распределения: наиболее распространенное значение оставалось неизменным.

Результаты

Латентно-классовый анализ

В ходе анализа данных было опробовано несколько моделей LCA. В шестиклассовой модели число параметров превысило число наблюдений ($311 > 274$), поэтому выбор производился между моделями от двух до пяти классов. Окончательная модель была выбрана на основе критерия согласия BIC, качества интерпретируемости

модели и наполненности типов. Несмотря на то, что у модели с двумя классами были лучшие показатели по ВИС²¹ (*Приложение 4*, стр. 135), именно в модели с четырьмя классами сформировались содержательно интерпретируемые и наполненные классы. Выделенные типы убийств с авторской интерпретацией представлены в *таблице 2*. Полная таблица с распределением вероятностей по всем переменным в каждом типе представлена в *Приложении 5* (стр. 136–138).

Таблица 2. Типы убийств, выделившиеся в результате применения LCA, %

Тип убийства	Доля на выборке
Убийства, совершенные женщинами в цикле взаимного домашнего насилия	18
Убийства, совершенные жертвами домашнего насилия	37
Ситуативные убийства	25
Убийства, совершенные женщинами в результате длительного взаимного психологического насилия	20

Ниже мы опишем типы убийств, указывая в скобках, чему равна условная вероятность иметь определенное значение по некоторому признаку (мотиву или обстоятельству) в зависимости от того, к какому типу убийств относится конкретное преступление.

Первый тип «Убийства, совершенные женщинами в цикле взаимного домашнего насилия»

В этом типе женщины убивали мужчин (1), с которыми их связывали интимные отношения (0,95), при этом в момент убийства поблизости не было людей (вероятность того, что они были, – 0,27). И жертва (0,96), и убийца (0,96) были в состоянии алкогольного опьянения на момент убийства; и жертве (0,9), и убийце (0,88) было присуще злоупотребление алкоголем. Непосредственно перед совершением убийства по отношению к убийце было применено физическое насилие (0,84), инициированное жертвой убийства (0,73), зачастую это сопровождалось оскорблениями (0,63) и реже – угрозами (0,4), сексуализированного насилия не было (вероятность того, что было, – 0,02). Тем не менее, несмотря на то, что именно убитый инициировал физическое насилие над убийцей, ранее в их отношениях случались драки (0,86), которые оба могли инициировать (0,66). Также они часто ссорились (0,86): конфликты могли начинать оба (0,76). И жертва (0,8), и убийца (0,86) на протяжении длительного времени совершали поступки, которыми причиняли друг другу психологическое насилие. Длительного сексуализированного насилия не было (0).

²¹ У модели с двумя классами было самое маленькое значение ВИС, который считается наиболее надежным статистическим критерием, определяющим качество латентно-классового анализа: чем меньше ВИС, тем выше качество [Weller et al. 2020].

Чаще всего женщины объясняли мотив убийства самообороной (0,43), однако чаще, чем в других типах, они совершали преступление из неприязни, вызванной физическим насилием (0,4). Соответственно, эти женщины реже считали совершенное по отношению к ним насилие угрозой жизни и здоровью: иными словами, оно чаще их злило, чем пугало, по сравнению с теми, кто попал во второй тип.

Ключевое отличие этого типа от второго, который будет описан ниже, состоит в том, что в этом типе женщины не только сами страдали от домашнего насилия, но и подвергали насилию интимного партнера, то есть в их истории насилия обнаруживается некая симметрия. Соответственно, для женщин из этого типа не представляется парадоксальным тот факт, что они совершили убийство интимного партнера: они уже привыкли причинять ему физическое насилие, прибегая к насилию ранее, они научились отвечать дракой на драку. Это устойчивый паттерн в их взаимоотношениях, который, вероятно, мог закончиться убийством как одной, так и другой стороны конфликта, и то, что конкретно женщина убивала в этой ситуации, может быть в немалой степени обусловлено случайностью.

Отметим, что в этот тип также попали случаи, когда женщина подвергала интимного партнера насилию, а он ее нет, то есть мужчина становился жертвой домашнего насилия (однако из-за малочисленности таких наблюдений они не могли выделиться в отдельный тип). В действительности, в низших социальных слоях власть в паре нередко перераспределяется в пользу женщины [Ибрагимова 2012]: «Оба родителя выпивали, иногда между ними происходили ссоры, носящие бытовой характер. Также потерпевший показал, что “главной” в доме была мама»²². Действительно, неспособность мужа обеспечить семью финансово может приводить к снижению авторитарности мужа и стимулировать жену к повышению дохода [Лыско 2017]. Поэтому насилие, инициируемое женщиной, можно воспринимать как продолжение матриархата, установившегося в семье по экономическим причинам, и рассматривать его как отрицание патриархальных ценностей [Здравомыслова, Темкина 2015].

Второй тип «Убийства, совершенные жертвами домашнего насилия»

В этом типе женщины также чаще всего убивали мужчин (0,95), с которыми их связывали интимные отношения (0,86), при этом в момент убийства близости людей скорее не было (вероятность того, что они были, – 0,41). И жертва (0,97), и убийца (0,88) были в состоянии алкогольного опьянения на момент убийства. И жертве (0,83), и убийце (0,54) было присуще злоупотребление алкоголем, однако убийце это было присуще в меньшей степени. Непосредственно перед совершением убийства по отношению к убийце было применено физическое насилие (0,93), инициированное жертвой убийства (0,91). Зачастую это сопровождалось оскорблениями (0,65), реже – угрозами (0,4), сексуализированного насилия почти не было (0,08). Ранее в их отношениях драки почти не наблюдались (вероятность того, что были, – 0,19), и чаще всего жертвы сами избивали своих убийц (0,63). Также ранее систематически случались ссоры, которые могла инициировать как сама жертва (0,47), так и они вдвоем с убийцей (0,33). Жертва часто совершала

²² Приговор 1-70/2018, вынесенный Ленинским районным судом г. Костромы. 25 апреля 2018 г.

поступки, причиняющие психологическое насилие убийце (0,89), а убийца делала это по отношению к жертве сравнительно редко (0,44). Длительного сексуализированного насилия не было (0,01). Мотив, встречающийся у большинства убийц, – это самооборона (0,52). Также чаще, чем у других женщин, встречался в целом редкий мотив мести (0,08).

Характерная черта убийств в этом типе, в отличие от отнесенных к первому типу, состоит в том, что они чаще совершались по мотиву самообороны (0,52 у этого типа против 0,43 у предыдущего) и реже по мотиву неприязни, вызванной физическим насилием (0,27 против 0,4). Эти женщины также чаще виктимизированы, чем в других типах, поскольку с наибольшей вероятностью в их отношении применялось физическое и психологическое насилие. Вероятно, отношения убийцы и жертвы можно реконструировать следующим образом: ссоры обычно начинала либо жертва, либо же оба (но реже), однако важно, что в этом конфликте жертва применяла физическое насилие по отношению к убийце. Соответственно, в части и психологического, и физического насилия в их отношениях можно обнаружить асимметрию. Вероятно, это и возымело кумулятивный эффект: страх у убийцы копился на протяжении длительного времени и дал выход в виде резкой вспышки ответного насилия при очередном избиении.

Убийства, относящиеся к этому типу, вписываются в действующий гендерный порядок [Коннел 2015], в котором мужчина проявляет силу, а женщина сохраняет субординацию, смиряясь с применяемым по отношению к ней насилием. Способы рационализации могут быть разными, причем мотив любви нельзя назвать редким: «Неоднократно между дочерью и Т. происходили ссоры, в ходе которых последний, находясь в состоянии опьянения, причинял дочери телесные повреждения. Дочь с заявлениями в правоохранительные органы не обращалась, так как любила Т.»²³.

Третий тип «Ситуативные убийства»

В этом типе женщины чаще убивали знакомых (0,71) мужского пола (0,67). Однако следует отметить, что жертвы женского пола наиболее представлены в этом типе (0,33). В большинстве случаев и существенно чаще, чем в других типах, во время совершения преступления поблизости были люди (0,54). И жертва (0,88), и убийца (0,92) на момент убийства были в состоянии алкогольного опьянения. И жертве (0,55), и убийце (0,53) скорее присуще злоупотребление алкоголем, однако это встречается гораздо реже, чем в других типах. Непосредственно перед убийством ни одна из сторон, скорее всего, не применяла по отношению к другой физическое насилие (0,61 вероятность того, что не применяла жертва, и 0,81 – не применяла убийца), однако в тех случаях, когда оно применялось (0,36), его инициировала жертва (0,35) по отношению к убийце. Относительно других типов жертва достаточно редко оскорбляла убийцу (0,49) или угрожала (0,15), однако сексуализированное насилие встречалось сравнительно часто (0,19). Ранее в их отношениях не были зафиксированы драки (0) и избиения (0,06 вероятность того, что кто-либо инициировал физическое насилие), равно как и ссоры (0) или однонаправленное

²³ Приговор 1-220/2018, вынесенный Ангарским городским судом Иркутской области. 10 августа 2018 г.

вербальное психологическое насилие (0). Длительного невербального психологического насилия не было ни от одной из сторон (0 – со стороны жертвы, и 0,01 – со стороны убийцы), равно как и длительного сексуализированного насилия (0). Нередко убийство происходило из-за неприязни, вызванной оскорблением (0,29), и чаще, чем в других типах, мотивом являлись неприязнь, вызванная сексуальными домогательствами (0,13), месть (0,07) или отказ в просьбе (0,09).

Этот тип отличается от остальных тем, что во взаимоотношениях жертвы и убийцы прежде не было замечено случаев систематического насилия, ввиду чего, вероятно, произошедшее убийство становилось и для убийцы, и для потерпевшего, и для свидетелей полной неожиданностью. Чаще всего убийца и жертва являлись знакомыми или друзьями, и при очередном распитии алкогольных напитков между ними происходил ситуативный конфликт: жертва высказывала оскорбления в адрес убийцы, либо сексуально домогалась, либо даже применяла насилие, однако видимых предпосылок для этого в том, как складывались их отношения до момента преступления, не было. В этом смысле неудивительно, что даже если женщина убивала не интимного партнера, а знакомого человека, то он с большей вероятностью оказывался представителем мужского пола: это напрямую связано с большей склонностью мужчин к употреблению алкоголя и к выражению агрессии [Киммел 2006].

Четвертый тип «Убийства, совершенные женщинами в результате длительного взаимного психологического насилия»

В этом типе чаще всего в качестве жертвы оказывались мужчины (0,82), однако женщины здесь также занимают заметную долю (0,18). Чаще всего убитые приходились интимными партнерами женщинам-убийцам (0,62), но также могли быть и родственниками (0,22). В момент убийства скорее никого не было поблизости (0,57 вероятность того, что не было). И жертва (0,95), и убийца (0,93) на момент совершения преступления были в состоянии алкогольного опьянения; и жертве (0,71), и убийце (0,62) скорее присуще злоупотребление алкоголем. Непосредственно перед убийством ни одна из сторон не применяла по отношению к другой физическое насилие (вероятность того, что никто не инициировал физическое насилие – 0,85). Однако чаще, чем в других типах, встречались случаи оскорбления жертвой убийцы (0,73), при этом угроз (0,22) и сексуализированного насилия (0,07) от жертвы зафиксировано не было. Инициация с обеих сторон драк также не установлена (0,17), поскольку физическое насилие либо отсутствовало вовсе (вероятность, что никто ранее не инициировал физическое насилие, – 0,38), либо исходило именно со стороны жертвы (0,39). Однако в этом типе замечено более выраженное нефизическое насилие: для взаимоотношений жертвы и убийцы характерны ссоры (0,72), которые инициировали или жертва (0,26), или убийца (0,23), или они совместно (0,36). Они часто совершали поступки, причиняющие психологическое насилие по отношению друг другу (0,7 и 0,6 соответственно), и чаще, чем в остальных типах, это могло сопровождаться повторяющимися сексуальными домогательствами (0,09). Также чаще, чем в остальных типах, мотивами к убийству могли послужить неприязнь, вызванная оскорблениями (0,44), ревность (0,15) или отказ в просьбе (0,13).

Название этого типа неслучайно содержит аллюзию на первый тип. Несмотря на то, что систематические избиения со стороны жертвы встречаются чаще (0,39), чем со стороны убившей женщины (0,19), и эта асимметрия напоминает второй тип, важно отметить, что ключевым компонентом их взаимоотношений становилось психологическое насилие, исходящее от обеих сторон. Судя по описанию мотивов убийств, это насилие наиболее часто выражалось во взаимных оскорблениях и ревности, возможно, в отказах помогать и идти навстречу, что явно делало неблагоприятным тот психологический контекст, в котором взаимодействовали близкие люди – интимные партнеры и родственники. Этот комплекс накопившихся негативных эмоций при очередном оскорблении или поводе для ревности выливался в фатальное насилие со стороны убийцы.

Обсуждение

Основная цель работы состояла в выработке типологии убийств, совершенных женщинами и квалифицированных по ст. 105 ч. 1 (простой состав убийства). Главным методологическим новшеством в контексте российской криминологии является то, что в модель были введены как мотивы, так и обстоятельства убийства. Это позволило получить многомерное представление о произошедших убийствах и сгруппировать их определенным содержательным образом. Результаты применения латентно-классового анализа демонстрируют, что в качестве основного дифференцирующего фактора выступают не мотивы, которые обычно становятся предметом похожих исследований, а обстоятельства, а именно – история насилия во взаимоотношениях убившей женщины и жертвы.

В общей сложности были выделены четыре типа убийств:

- убийства, совершенные женщинами в цикле взаимного домашнего насилия (18%);
- убийства, совершенные жертвами домашнего насилия (37%);
- убийства, совершенные женщинами в результате длительного взаимного психологического насилия (20%);
- ситуативные убийства (25%).

Три из четырех типов довольно схожи, поскольку описывают преимущественным образом убийства интимных партнеров, где присутствовали различные формы насилия как длительное время до преступления, так и непосредственно перед его совершением. Как и ожидалось (исходя из анализа литературы), чаще всего убийства (в 37% наблюдений) совершаются жертвами домашнего насилия, то есть женщинами, которые длительное время терпели физическое и психологическое насилие со стороны интимного партнера. В таком типе убийств, в отличие от остальных, явно преобладает мотив самообороны.

В то же время 18% наблюдений были отнесены к типу убийств, совершаемых женщинами в цикле взаимного насилия: эти женщины не только сами были жертвами домашнего насилия, но и причиняли насилие своему интимному партнеру. В этих типах женщины чаще, чем в других, объясняли мотив неприязню, вызванной физическим насилием, то есть примененное жертвой по отношению к ним насилие их скорее злило, нежели испугало. Примечательно, что этот тип наименее многочис-

ленный: он почти в два раза меньше по охвату, чем наиболее распространенный тип (18% против 37%). Однако 18% – это примерно пятая часть выборки, что кажется немалой долей, учитывая специфику дискурса, который выстраивается вокруг женщин, совершивших убийство: так, исследователи убийств, совершенных женщинами, фокусируют внимание на асимметрии супружеского насилия [Dobash et al. 1992]. Но после сопоставления изученной литературы с прочитанными приговорами может показаться, что миф о симметрии супружеского насилия был замещен антимифом, что симметрия в принципе невозможна либо же не распространена хоть сколь-нибудь существенно. Это может оказаться проблематичным, поскольку чрезмерная виктимизация женщин, совершивших убийство, в общественном сознании ведет к сильному упрощению представления о бэкграунде отношений женщины-убийцы и жертвы.

В действительности же можно утверждать, что, вопреки заявлениям некоторых СМИ²⁴, не все женщины, по отношению к которым было применено физическое насилие жертвой непосредственно перед совершением убийства, утверждают, что они самооборонялись. В этой работе было предложено, с одной стороны, не подводить все указанные случаи под самооборону, а с другой, не считать обороной лишь то, что в точности соотносится с трактовкой суда. Таким образом, отдельно полезным знанием представляется установление того, что мотив обороны себя и других, учтенный «по максимуму», то есть принимающий показания всех женщин как искренние, был определен в 34% случаев, что немало, но тем не менее все еще не большинство, как утверждается в отдельных источниках²⁵.

Кроме того, некоторым разрушением шаблона послужило выявление того факта, что женщины достаточно часто убивают знакомых и друзей, причем убивают их чаще, чем родственников: так, на нашей выборке доля убитых знакомых вдвое превышала аналогичную долю по родственникам, и это открытие соответствует аналогичным в литературе [Mosechkin 2021; Weizmann-Henelius et al. 2003]. Из-за достаточно широкой представленности знакомых в числе жертв убийства их даже выделили в отдельный тип – ситуативные убийства. Этот тип можно назвать вдвойне малоизученным, поскольку в нем сконцентрированы кейсы, где женщины убили знакомых; более того, треть из этих знакомых была представлена женщинами, однако в криминологической литературе авторы традиционно фокусируются на партнерских убийствах [Jensen 2001; Kim et al. 2017].

Убийства родственников были наибольшим образом представлены в типе убийств, совершенных женщинами в результате длительного взаимного психологического насилия, где тем не менее в качестве жертв преобладали интимные партнеры. На основе этого возникает исследовательский вопрос, на который представляется важным ответить в будущих исследованиях: насколько различаются убийства интимных партнеров и родственников, совершенные женщинами. Можно предположить, что ответ на этот вопрос будет варьироваться в зависимости от пола родственников и типа их проживания (совместного или раздельного): взаимоотношения между сожительствующим родственником мужского пола и женщиной могут строиться похожим образом с взаимоотношениями между интимными партнерами, и по этой причине сходства в сценарии убийств будут выражены достаточно очевидно.

²⁴ «Я тебя сейчас, сука, убивать буду». Большинство женщин, осужденных за убийство, защищались от домашнего насилия. Исследование «Новой газеты» и «Медиазоны» (2019) // Новая Газета. 11 ноября 2019 // <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/25/82847-ya-tebya-seychas-suka-ubivat-budu>, дата обращения 20.01.2024.

²⁵ Там же.

Наряду с этим, в выборке почти не были представлены убийства незнакомцев. Это, с одной стороны, характерно для преступлений, совершаемых женщинами, тем более что ст. 105 ч. 1 предполагает возникновение личных неприязненных отношений, которые должны на чем-то основываться; с другой, это делает необходимым расширение выборки для изучения менее типичных случаев, которые, возможно, также могут выделиться в отдельный тип. В таком случае представляется целесообразным сравнивать их с убийствами знакомых: вероятно, в обоих случаях ситуативные факторы сыграют ключевую роль.

Так как идея типологии оправдала себя и была достаточно успешно реализована, предполагается, что и дальнейшие исследования в этом русле будут продуктивными. Разумным следующим шагом представляется расширение выборки до всех опубликованных приговоров по ст. 105 ч. 1. Поскольку с бумажных носителей может быть вычитано очень ограниченное число приговоров, необходимо использовать техники автоматизированного анализа текстов – правила (ключевые слова и регулярные выражения) и методы машинного обучения. Применение сплошной выборки позволит получить более точные оценки распространенности выделенных типов убийств, однако существует вероятность, что из-за ограничений в возможностях обработки естественного языка придется сократить количество переменных для типологии.

Выводы данного исследования были ограничены ст. 105 ч. 1 УК РФ, хотя статей, подразумевающих убийство, больше. Соответственно, эмпирический объект можно расширить до таких статей УК РФ, как ст. 105 ч. 2, статьи 107, 108, 111 ч. 4. Включение их в выборку ожидаемо увеличит количество типов убийств, поскольку будут учтены убийства, совершенные с отягчающими (например, из корыстных побуждений или группой лиц) или смягчающими обстоятельствами (аффект, превышение пределов необходимой обороны), которые не подпадают под действие ст. 105 ч. 1. Именно указанное расширение позволит сопоставить типологию не только с другими отечественными типологиями [Коломытцев, Одинцова 2018; Лыско 2017; Mosechkin 2021], но и с зарубежными [Belknap et al. 2012; Kethineni 2001; Kim et al. 2017; Kirkwood 2003; Weizmann-Henelius et al. 2003].

Список источников

- Гофман А.Б. (1997) Семь лекций по истории социологии. Учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет».
- Демографические итоги I полугодия 2022 года в России. Часть 1 (2022) // Демоскоп Weekly. № 957–958 // <http://demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php>, дата обращения 26.02.2024.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2015) 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Ибрагимова Д.Х. (2012) Кто управляет деньгами в российских семьях? // Экономическая социология. Т. 13. № 3. С. 22–56 // https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf#page=22, дата обращения 20.01.2024.
- Киммел М. (2006) Гендерное общество. М.: РОССПЭН.
- Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. (2018) Этика права и проблемы женской преступности в России // Lex russica. № 10. С. 146–156 // <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/615>, дата обращения 20.01.2024.

- Коннел Р. (2015) *Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Крыштановский А. (2006) *Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. Учебное пособие для вузов*. М.: ВШЭ.
- Лыско Е.А. (2017) Статистические показатели женской преступности в России // *Социология и право*. № 2. С. 112–120 // <https://spbume.elpub.ru/jour/article/viewFile/93/93>, дата обращения 20.01.2024.
- Подолук М.Л. (2010) Состояние и динамика убийств, совершаемых женщинами // *Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал*. № 3. С. 176–179 // <https://cyberleninka.ru/article/n/5-9-sostoyanie-i-dinamika-ubiystv-sovershaemyh-zhenschinami/viewer>, дата обращения 20.01.2024.
- Родионова М.М., Смирнов Н.М. (2022) Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. № 3 (106). С. 6–27. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27
- Уголовный кодекс Российской Федерации // *КонсультантПлюс* // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, дата обращения 20.01.2024.
- Яковлев Д.Ю. (2015) Криминологическая характеристика личности женщин, совершивших преступления против жизни // *Проблемы в законодательстве. Юридический журнал*. № 4. С. 236–239 // <https://urvak.ru/articles/probe-vypusk-4-kriminologicheskaya-kharakteristika/>, дата обращения 20.01.2024.
- Adinkrah M. (2000) Female-perpetrated Spousal Homicides the Case of Fiji // *Journal of Criminal Justice*, vol. 28, no 2, pp. 151–161. DOI: 10.1016/S0047-2352(99)00035-5
- Belknap J., Larson D.L., Abrams M.L., Garcia C., Anderson-Block K. (2012) Types of Intimate Partner Homicides Committed by Women: Self-defense, Proxy/retaliation, and Sexual Proprietariness // *Homicide Studies*, vol. 16, no 4, pp. 359–379. DOI: 10.1177/1088767912461444
- Bluhm K., Brand M. (2018) “Traditional Values” Unleashed: The Ultraconservative Influence on Russian Family Policy // *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, Routledge, pp. 223–244.
- Campbell L.A., Jensen V. (2019) Women Who Kill // *The Encyclopedia of Women and Crime*, pp. 1–5. DOI: 10.1002/9781118929803.ewac0541
- Daly M., Wilson M.I. (1996) Male Sexual Proprietariness and Violence against Wives // *Current Directions in Psychological Science*, vol. 5, no 1, pp. 2–7. DOI: 10.1111/1467-8721.EP10772668
- Dawson M., Bunge V.P., Balde T. (2009) National Trends in Intimate Partner Homicides: Explaining Declines in Canada, 1976 to 2001 // *Violence against Women*, vol. 15, no 3, pp. 276–306. DOI: 10.1177/1077801208330433
- Dobash P., Dobash E., Wilson M., Daly M. (1992) The Myth of Sexual Symmetry in Marital Violence // *Social Problems*, vol. 39, no 1, pp. 71–91. DOI: 10.2307/3096914
- Eckhardt K., Pridemore W.A. (2009) Differences in Female and Male Involvement in Lethal Violence in Russia // *Journal of Criminal Justice*, vol. 37, no 1, pp. 55–64. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2008.12.009
- Gabor T. (2001) “The Beast Within: Why Men are Violent” by Neil Boyd // *Canadian Journal of Criminology*, vol. 43, no 2, pp. 290–294. DOI: 10.3138/cjcrim.43.2.290
- Jensen V. (2001) *Why Women Kill: Homicide and Gender Equality*, Lynne Rienner Publishers.
- Kethineni S. (2001) Female Homicide Offenders in India // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 25, no 1, pp. 1–24. DOI: 10.1080/01924036.2001.9678661
- Kim B., Gerber J., Kim Ye., Hassett M.R. (2017) Female-perpetrated Homicide in South Korea: A Homicide Typology // *Deviant Behavior*, vol. 39, no 8, pp. 1042–1057. DOI: 10.1080/01639625.2017.1395671
- Kirkwood D. (2003) Female Perpetrated Homicide in Victoria between 1985 and 1995 // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, vol. 36, no 2, pp. 152–172. DOI: 10.1375/acri.36.2.152
- Kubal A. (2019) *Immigration and Refugee Law in Russia*, Cambridge University Press.

- Lanza S.T., Collins L.M., Lemmon D.R., Schafer J.L. (2007) PROC LCA: A SAS Procedure for Latent Class Analysis // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, vol. 14, no 4, pp. 671–694. DOI: 10.1080/10705510701575602
- Linzer D.A., Lewis J.B. (2011) poLCA: An R Package for Polytomous Variable Latent Class Analysis // *Journal of Statistical Software*, vol. 42, no 10, pp. 1–29. DOI: 10.18637/jss.v042.i10
- Mann C.R. (1996) *When Women Kill*, Albany, New York: State University.
- Mosechkin I. (2021) Why Women Kill: Studying Motives for Committing Crimes // *Women & Criminal Justice*, pp. 1–14. DOI: 10.1080/08974454.2021
- Serran G., Firestone P. (2004) Intimate Partner Homicide: A Review of the Male Proprietariness and the Self-defense Theories // *Aggression and Violent Behavior*, vol. 9, no 1, pp. 1–15. DOI: 10.1016/S1359-1789(02)00107-6
- Weizmann-Henelius G., Viemerö V., Eronen M. (2003) The Violent Female Perpetrator and Her Victim // *Forensic Science International*, vol. 133, no 3, pp. 197–203. DOI: 10.1016/s0379-0738(03)00068-9
- Weller B.E., Bowen N.K., Faubert S.J. (2020) Latent Class Analysis: A Guide to Best Practice // *Journal of Black Psychology*, vol. 46, no 4, pp. 287–311. DOI: 10.1177/0095798420930932

Приложение 1.

Распределение по социально-демографическим характеристикам, округленный %

Переменная	Значение	Процент на выборке	Валидный процент
Гражданство	РФ	99	99
	страны СНГ	1	1
Семейный статус убийцы на момент убийства	замужем	22	25
	фактически замужем	48	55
	не замужем	13	15
	разведена	3	3
	вдова	2	2
	неизвестно	11	–
Есть ли дети	нет	29	37
	да	48	63
	неизвестно	23	–
Занятость	не работает	36	55
	работает	20	32
	на пенсии	8	13
	неизвестно	36	–
Образование	неполное основное общее	2	6
	основное общее	3	8
	неполное среднее	6	19
	среднее	20	62
	высшее	2	5
	неизвестно	68	–
Судимость	нет судимости	81	81
	есть судимость	19	19

Приложение 2. Распределение по мотивам, округленный %

Мотив	% на выборке
Самооборона	34
Неприязнь, вызванная насилием	20
Неприязнь, вызванная оскорблениями	23
Неприязнь, вызванная секс. домогательствами	5
Месть	5
Ревность (убийцы или жертвы)	11
Отказ в просьбе	5
Иной мотив/мотив не определен	5

Приложение 3. Распределение по обстоятельствам, не вошедшим в типологию, округленный %

Переменная	Значение	Процент
Тип населенного пункта	село	28
	город	72
Место убийства	дом	96
	публичное место	4
Время убийства	утро	7
	день	23
	вечер	44
	ночь	19
Был ли кто-то бодрствующий поблизости	нет	59
	да	41
Орудие убийства	нож	86
	не нож	14

Приложение 4. Статистики качества моделей от 2 до 5 классов

Количество классов	AIC	BIC	G ²	X ²	Max log-likelihood	df
1	9386.635	9570.905	6228.049	185175926390	-4642.318	223
2	8546.243	8918.396	5283.657	351550915703	-4170.122	171
3	8376.722	8936.756	5010.136	179006849321	-4033.361	119
4	8254.911	9002.828	4784.325	143196985812	-3920.455	67
5	8112.244	9048.045	4537.658	15613028361	-3797.122	15

Приложение 5.

Распределение вероятностей по переменным в каждом типе (классе) убийств

Переменная	Значение	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4
		18%	37%	25%	20%
Тип отношений	родственные	0,02	0,1	0,1	0,22
	незнакомые	0	0	0,06	0
	интимные	0,95	0,86	0,13	0,62
	знакомые	0,03	0,04	0,71	0,12
	неизвестно	0	0	0	0,04
Пол жертвы	мужской	1,00	0,95	0,67	0,82
	женский	0	0,05	0,33	0,18
Была ли жертва в состоянии алкогольного опьянения	нет	0	0,01	0,09	0,05
	да	0,96	0,97	0,88	0,95
	неизвестно	0,04	0,02	0,03	0
Была ли убийца в состоянии алкогольного опьянения	нет	0,02	0,08	0,07	0,07
	да	0,96	0,88	0,92	0,93
	неизвестно	0,02	0,04	0,1	0
Злоупотребляла ли жертва алкоголем	нет	0,04	0,03	0,06	0,07
	да	0,9	0,83	0,55	0,71
	неизвестно	0,06	0,14	0,39	0,22
Злоупотребляла ли убийца алкоголем	нет	0,08	0,22	0,2	0,15
	да	0,88	0,54	0,53	0,62
	неизвестно	0,04	0,24	0,28	0,23
Был ли кто-то бодрствующий поблизости к месту убийства	нет	0,73	0,59	0,44	0,57
	да	0,27	0,41	0,54	0,43
	неизвестно	0	0	0,03	0
Было ли физическое насилие со стороны жертвы над убийцей перед убийством	нет	0,16	0,03	0,61	0,92
	да	0,84	0,93	0,36	0,05
	неизвестно	0	0,04	0,03	0,03

Переменная	Значение	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4
		18%	37%	25%	20%
Если было причинено физическое насилие, то кто был инициатором	убитый	0,73	0,91	0,35	0
	убийца	0,12	0,03	0,19	0,15
	никто	0,13	0,06	0,46	0,85
	оба	0,02	0	0	0
Были ли оскорбления со стороны жертвы в адрес убийцы	нет	0,33	0,25	0,41	0,27
	да	0,63	0,65	0,49	0,73
	неизвестно	0,04	0,1	0,1	0
Были ли угрозы со стороны жертвы в адрес убийцы	нет	0,52	0,51	0,78	0,78
	да	0,4	0,4	0,15	0,22
	неизвестно	0,08	0,09	0,07	0
Было ли сексуальное насилие, его попытки или домогательства от жертвы	нет	0,98	0,91	0,81	0,93
	да	0,02	0,08	0,19	0,07
	неизвестно	0	0,01	0	0
Были ли драки ранее во взаимоотношениях жертвы и убийцы	нет	0,14	0,74	0,99	0,76
	да	0,86	0,19	0	0,17
	неизвестно	0	0,07	0,01	0,07
Кто был инициатором физического насилия (избиений или драк) во взаимоотношениях	убитый	0,24	0,63	0	0,39
	убийца	0,1	0,1	0,06	0,19
	оба	0,66	0,05	0	0,04
	никто	0	0,22	0,94	0,38
Были ли ссоры во взаимоотношениях жертвы и убийцы	нет	0,02	0,27	1	0,15
	да	0,86	0,73	0	0,72
	неизвестно	0,12	0	0	0,13
Кто был инициатором вербального психологического насилия (ссор или оскорблений, угроз и др.)	убитый	0	0,47	0	0,26
	убийца	0,1	0,16	0	0,23
	оба	0,76	0,33	0	0,36
	никто	0,14	0,04	1	0,15

Переменная	Значение	Класс 1	Класс 2	Класс 3	Класс 4
		18%	37%	25%	20%
Было ли невербальное длительное психологическое насилие от жертвы над убийцей	нет	0	0,1	0,99	0,14
	да	0,8	0,89	0	0,7
	неизвестно	0,2	0,01	0,01	0,16
Было ли невербальное длительное психологическое насилие от убийцы над жертвой	нет	0	0,54	0,99	0,2
	да	0,86	0,44	0,01	0,6
	неизвестно	0,14	0,02	0	0,2
Повторяющиеся сексуальные домогательства от жертвы в адрес убийцы	нет	0,95	0,94	1	0,91
	да	0	0,01	0	0
	неизвестно	0,05	0,05	0	0,09
Мотив самообороны	нет	0,57	0,48	0,87	0,76
	да	0,43	0,52	0,13	0,24
Неприязнь, вызванная физическим насилием	нет	0,6	0,72	0,87	0,96
	да	0,4	0,27	0,13	0,04
Неприязнь, вызванная оскорблениями	нет	0,83	0,9	0,71	0,56
	да	0,17	0,1	0,29	0,44
Неприязнь, вызванная сексуальными домогательствами	нет	1	1	0,87	0,96
	да	0	0	0,13	0,04
Мечь	нет	1	0,92	0,93	0,96
	да	0	0,08	0,07	0,04
Ревность	нет	0,92	0,92	0,88	0,85
	да	0,08	0,08	0,12	0,15
Неприязнь, вызванная отказом в просьбе	нет	0,98	1	0,91	0,87
	да	0,02	0	0,09	0,13
Иной мотив/мотив не определен	нет	0,98	0,96	0,93	0,98
	да	0,02	0,04	0,07	0,02

Why Women Kill: An Empirical Typology of Homicides Committed by Women in Russia

A.A. LULIKYAN*, S.V. ZHUCHKOVA**

***Anna A. Lulikyan** – Research Assistant, International Center for the Study of Institutions and Development (ICSID), HSE University, Moscow, Russian Federation, alulikyan@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1142-5263>

****Svetlana V. Zhuchkova** – Researcher, International Center for the Study of Institutions and Development (ICSID), HSE University, Moscow, Russian Federation, szhuchkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

Citation: Lulikyan A.A., Zhuchkova S.V. (2024) Why Women Kill: An Empirical Typology of Homicides Committed by Women in Russia. *Mir Rossii*, vol. 33, no 2, pp. 115–141 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-115-141

Abstract

Homicides by women have been understudied compared to those by men, despite evidence that the motives and circumstances differ significantly by gender, highlighting a critical research gap. Recent decades have seen increased interest in this area, with global criminological research identifying self-defense as the most common motive among women. However, these studies often rely on limited sample sizes and primarily focus on motives without considering the circumstances and the relationship between the perpetrator and the victim. This study bridges these gaps by developing an empirical typology of murders committed by women in Russia, based on an analysis of over 3,500 court sentences from 2017 to 2021 under Article 105 “Murder” part 1. This comprehensive typology incorporates the motives, the circumstances of the murders, and the socio-economic characteristics of the perpetrators. Employing text mining, machine learning, and latent class analysis, this research provides the most detailed typology to date, enhancing our understanding of the complexities behind homicides committed by women.

Keywords: *murder typology, murder motives, murder circumstances, latent class analysis, court verdicts, women, crime in Russia*

References

- Adinkrah M. (2000) Female-perpetrated Spousal Homicides the Case of Fiji. *Journal of Criminal Justice*, vol. 28, no 2, pp. 151–161. DOI: 10.1016/S0047-2352(99)00035-5
- Belknap J., Larson D.L., Abrams M.L., Garcia C., Anderson-Block K. (2012) Types of Intimate Partner Homicides Committed by Women: Self-defense, Proxy/retaliation, and Sexual Proprietariness. *Homicide Studies*, vol. 16, no 4, pp. 359–379. DOI: 10.1177/1088767912461444

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and approbation of an algorithm for the automated analysis of the court decisions for socio-legal studies (based on cases of violent crimes)”. For more details see <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>

The article was received in November 2023.

- Bluhm K., Brand M. (2018) “Traditional Values” Unleashed: The Ultraconservative Influence on Russian Family Policy. *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, Routledge, pp. 223–244.
- Campbell L.A., Jensen V. (2019) Women Who Kill. *The Encyclopedia of Women and Crime*, pp. 1–5. DOI: 10.1002/9781118929803.ewac0541
- Connell R. (2015) *Gender and Power: Society, Personality and Gender Politics*, Moscow: New Literary Review (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation. *ConsultantPlus*. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, accessed 20.01.2024 (in Russian).
- Daly M., Wilson M.I. (1996) Male Sexual Proprietariness and Violence against Wives. *Current Directions in Psychological Science*, vol. 5, no 1, pp. 2–7. DOI: 10.1111/1467-8721.EP10772668
- Dawson M., Bunge V.P., Balde T. (2009) National Trends in Intimate Partner Homicides: Explaining Declines in Canada, 1976 to 2001. *Violence against Women*, vol. 15, no 3, pp. 276–306. DOI: 10.1177/1077801208330433
- Demographic Results for the First Half of 2022 in Russia. Part 1 (2022). *Demoscope Weekly*, no 957–958. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php>, accessed 26.02.2024 (in Russian).
- Dobash P., Dobash E., Wilson M., Daly M. (1992) The Myth of Sexual Symmetry in Marital Violence. *Social Problems*, vol. 39, no 1, pp. 71–91. DOI: 10.2307/3096914
- Eckhardt K., Pridemore W.A. (2009) Differences in Female and Male Involvement in Lethal Violence in Russia. *Journal of Criminal Justice*, vol. 37, no 1, pp. 55–64. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2008.12.009
- Gabor T. (2001) “The Beast Within: Why Men are Violent” by Neil Boyd. *Canadian Journal of Criminology*, vol. 43, no 2, pp. 290–294. DOI: 10.3138/cjcrim.43.2.290
- Goffman A.B. (1997) *Seven Lectures on the History of Sociology. Textbook for Universities*, Moscow: Book House “University” (in Russian).
- Ibragimova D.Kh. (2012) Who Manages Money in Russian Families? *Economic Sociology*, vol. 13, no 3, pp. 22–56. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf#page=22, accessed 20.01.2024 (in Russian).
- Jensen V. (2001) *Why Women Kill: Homicide and Gender Equality*, Lynne Rienner Publishers.
- Kethineni S. (2001) Female Homicide Offenders in India. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 25, no 1, pp. 1–24. DOI: 10.1080/01924036.2001.9678661
- Kim B., Gerber J., Kim Ye., Hassett M.R. (2017) Female-perpetrated Homicide in South Korea: A Homicide Typology. *Deviant Behavior*, vol. 39, no 8, pp. 1042–1057. DOI: 10.1080/01639625.2017.1395671
- Kimmel M. (2006) *Gender Society*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Kirkwood D. (2003) Female Perpetrated Homicide in Victoria between 1985 and 1995. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, vol. 36, no 2, pp. 152–172. DOI: 10.1375/acri.36.2.152
- Kolomyttsev N.A., Odintsova L.N. (2018) Ethics of Law and Problems of Female Crime in Russia. *Lex russica*, vol. 143, no 10, pp. 146–156. Available at: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/615>, accessed 20.01.2023 (in Russian).
- Kryshтанovskiy A. (2006) *Analysis of Sociological Data Using the SPSS Package: Textbook for Universities*, Moscow: HSE (in Russian).
- Kubal A. (2019) *Immigration and Refugee Law in Russia*, Cambridge University Press.
- Lanza S.T., Collins L.M., Lemmon D.R., Schafer J.L. (2007) PROC LCA: A SAS Procedure for Latent Class Analysis. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, vol. 14, no 4, pp. 671–694. DOI: 10.1080/10705510701575602
- Linzer D.A., Lewis J.B. (2011) poLCA: An R Package for Polytomous Variable Latent Class Analysis. *Journal of Statistical Software*, vol. 42, no 10, pp. 1–29. DOI: 10.18637/jss.v042.i10

- Lysko E.A. (2017) Statistical Indicators of Female Crime in Russia. *Sociology and Law*, vol. 36, no 2, pp. 112–120. Available at: <https://spbume.elpub.ru/jour/article/viewFile/93/93>, accessed 20.01.2024 (in Russian).
- Mann C.R. (1996) *When Women Kill*, Albany, New York: State University.
- Mosechkin I. (2021) Why Women Kill: Studying Motives for Committing Crimes. *Women & Criminal Justice*, pp. 1–14. DOI: 10.1080/08974454.2021
- Podolyuk M.L. (2010) State and Dynamics of Murders Committed by Women. *Gaps in Russian Legislation. Legal Journal*, no 3, pp. 176–179. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/5-9-sostoyanie-i-dinamika-ubiystv-sovershaemyh-zhenschinami/viewer>, accessed 20.01.2024 (in Russian).
- Rodionova M.M., Smirnov N.M. (2022) Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, vol. 106, no 3, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27
- Serran G., Firestone P. (2004) Intimate Partner Homicide: A Review of the Male Proprietariness and the Self-defense Theories. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 9, no 1, pp. 1–15. DOI: 10.1016/S1359-1789(02)00107-6
- Weizmann-Henelius G., Viemerö V., Eronen M. (2003) The Violent Female Perpetrator and Her Victim. *Forensic Science International*, vol. 133, no 3, pp. 197–203. DOI: 10.1016/s0379-0738(03)00068-9
- Weller B.E., Bowen N.K., Faubert S.J. (2020) Latent Class Analysis: A Guide to Best Practice. *Journal of Black Psychology*, vol. 46, no 4, pp. 287–311. DOI: 10.1177/0095798420930932
- Yakovlev D.Yu. (2015) Criminological Characteristics of the Personality of Women Who Have Committed Crimes against Life. *Gaps in Legislation. Legal Journal*, no 4, pp. 236–239. Available at: <https://urvak.ru/articles/probe-vypusk-4-kriminologicheskaya-kharakteristika/>, accessed 20.01.2024 (in Russian).
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2015) *12 Lectures on Gender Sociology: Textbook*, Saint Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg (in Russian).